

ЭТНОФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

А. В. Сухарев

В последнее время в очередной раз в истории нашей страны правительство обратило внимание на необходимость «модернизации»; правда, не вполне ясно, в чём именно и как она должна осуществляться. Модернизация общества, как необходимое технологическое обновление за счёт внутренних или внешних источников, — вполне нормальное явление. В России она осуществлялась часто неосознанно, но эффективно за счёт внутренних сил либо в форме крупных политических событий как этапов западноевропейского влияния на ментальность властных слоёв, начавшегося в XVII в.¹ Последний вариант осуществлялся преимущественно в революционной форме, мобилизационным «скачком», при этом всегда явны были и негативные последствия таких революций: вследствие начала западноевропейской экспансии в Московском государстве возник раскол Церкви, реформы Петра I обусловили «бириновщину», а революционные преобразования начала XX в. породили забвение собственных исторических корней, искажения в гуманитарных науках и др.

В Европе, и прежде всего в Италии, в период с X по XVII вв. произошли существенные изменения, обусловившие относительно непрерывное развитие философии, искусств и естественных наук. При этом в Древней Руси в аналогичный исторический период не было заложено достаточно оснований для научно-технологического «рывка», и необходимость решения проблемы философской и научно-технологической оснащённости общества, то разгораясь, то затухая, обнаруживала себя на различных этапах развития России до настоящего времени.

Мы исходим из того, что любые общественно-исторические явления и процессы являются предметами социально-психологической науки. В качестве единицы анализа ментальности личности и общества мы используем понятие психического образа. Понятие ментальности было введено во французской исторической школе как базовое для анализа исторического процесса². Как основу ментальности мы рассматриваем образную сферу³, т. е. совокупность «вторичных образов» — представлений, памяти, воображения и др., тесно связанных с эмоциональными отношениями, чувствами, ценностями, мышлением (знаниями, суждениями, умозаключениями). Важно, что вторичные образы обладают регулятивной функцией в поведении человека и общества. Именно образ выполняет работу по регуляции конкретной деятельности и в практическом плане он не менее реален, чем любая другая материальная действительность⁴.

В настоящей работе исследовалась специфика этнофункциональных историко-психологических параметров развития европейской ментальности, в частности в области научно-технологического прогресса.

Методология и методика исследования. В исследовании ментальности общества и личности исторически актуальным является использование *этнофункциональной* методологии⁵, в которой базовым понятием является ментальность *этносреды*. Этносреда рассматривается как идеальный прообраз культуры и психологии общества, ландшафта, животного и растительного мира, биологии человека, духовных (трансцендентных) сущностей (духи природных стихий, Бог).

Согласно принципу этнофункциональности, каждая составляющая ментальности (представления, отношения и пр.) наделяется этноинтегрирующей или этнодифференцирующей функцией по отношению к тому или иному этносу или системе этносов. Относительно большей *величиной этнической функции* обладают образы природы, как наиболее ранние в генезе ментальности⁶; несколько меньше величина этнической функции их мифологического смысла, затем — христианских представлений. Это означает, например, что этнодифференцирующие изменения представлений о природе в ментальности общества могут привести к более разрушительным для данной этносреды последствиям, чем изменения «наднациональных», религиозных или тем более научных представлений. В этнофункциональной парадигме *представления могут использоваться в качестве естественнонаучных в том случае, если их этническая функция равна нулю*.

Принцип этнофункциональной системности отражает то, что в идеале ментальность любой этнической целостности содержит только взаимосвязанные этноинтегрирующие составляющие, и внедрение в неё этнодифференцирующего содержания обуславливает этнодифференцирующие изменения в содержании всей системы.

Принцип этнофункционального единства микро- и макрокосма полагает аналогию между историческими этапами развития ментальности этносреды и стадиями развития ментальности личности. На основании данного принципа, по аналогии с понятием энергии личности (её адаптационного потенциала), мы вводим понятие *энергии этносреды* как способности сохранять целостность общества и природы в культурно-психологическом, экономическом, политическом и других отношениях. Показателями повышения энергии общества, например, мы рассматриваем расцвет наук и искусств в эпоху Возрождения в Европе, географическую экспансию, военно-политические успехи и др., а о понижении энергии этносреды или общества свидетельствуют обратные процессы.

Принципом этнофункционального развития утверждается наличие этноинтегрирующей, идеальной для сохранения целостности последовательности и содержания развития ментальности данной этносреды или личности — *этнофункциональной архегении*⁷. Реальное развитие общества может лишь приближаться к данному идеалу, а его этапы диагностируются по ведущему образному содержанию ментальности, определяемому методом историко-психологической реконструкции⁸ как те представления, которые исторически обусловили дальнейшее развитие данной этносреды или личности. Для России и других европейских стран в настоящем исследовании можно выделить следующие *этапы развития ментальности этносреды*: природный (ведущие представления — образы природы);

языческий (ведущие — представления о духах природных стихий, их взаимодействие с человеком); религиозно-этический (ведущие — представления национальных религий — христианство); этап просвещения (ведущие — научные представления). По аналогии с данными этапами мы выделили *стадии развития личности*, а нарушения этнофункционального развития личности (нарушения последовательности стадий и оптимальных возрастных периодов их начала, наличие в них этнодифференцирующего содержания), согласно нашим эмпирическим исследованиям, обуславливают её эмоциональную, интеллектуальную и прочую дезадаптированность, вплоть до полного разрушения личности⁹.

Принцип этнофункционального детерминизма постулирует, что этнодифференцирующие изменения (т. е. нарушения) развития и (или) целостности ментальности личности или этносреды обуславливают разрушение данной целостности в различных аспектах — психологическом, антропо-биологическом, культурном, природно-географическом, духовном и др. Например, данный принцип объясняет историческое явление, отмеченное Л. Н. Гумилёвым: при пассионарном подъёме этноса общество живёт в относительной гармонии с природой (Константинополь в VII–X вв.), при распаде этноса более интенсивно разрушается и вмещающий ландшафт, природа (Рим во II–V вв.)¹⁰.

Принцип этнофункциональной субъектности характеризует наш *методический подход* в исследовании. Как содержание исторических источников по исследуемому периоду (летописи, свидетельства современников и пр.), так и данные утвердившейся в научном сознании историографии мы понимаем с позиций ментальности современного научного сообщества. Например, с одной стороны, с позиций отечественных учёных разных поколений норманнская теория, опирающаяся на летописи в трактовке российских историков немецкого происхождения, является несостоятельной¹¹. С другой стороны, есть современные учёные, особенно за рубежом, которые продолжают придерживаться данной теории, хотя и в несколько модифицированном виде¹². Как те, так и другие исследования в равной мере характеризуют ментальное поле современного научного знания. Поэтому нужно отчётливо осознавать метод анализа данных историографии и исторических источников и позиции их авторов, даже анонимных. Наш метод основан на том, что всякий общественный или индивидуальный субъект обладает своей этнофункциональной спецификой. Поэтому в историческом познании мы рассматриваем любой исторический источник или историческое исследование под углом зрения этнической функции содержания, вложенного в них автором¹³, т. е. мы исследуем ментальность научного сообщества с позиций этнофункциональной методологии. В истории ментальностей нас интересует не столько прошлое и вопрос «Кто виноват?», сколько будущее и вопрос «Что делать?». Ментальность научного сообщества в современном мире является регулирующим, «нравственнообразующим» фактором (А. С. Панарин так полагал роль науки). *Субъектное преломление исторического прошлого* в ментальности научного сообщества современных историков является основанием, на котором может проектироваться будущая ментальность общества. В связи со сказанным, сопоставительный анализ исторического развития европейской

ментальности осуществлялся на основе этнофункционального анализа ментальности современного научного сообщества, т. е. данных современной историографии.

Этнофункциональный анализ изменений европейской ментальности в эпоху Возрождения. Итальянское Возрождение обуславливалось не одним только заимствованием, но и деятельной реставрацией древности, основанной на *памяти о прежнем величии*. Население Италии уже по своей природе имело потенциальную внутреннюю связь с Античностью, и её «народ, освободившись от гнёта варваров, тотчас возвращается к воспоминаниям о своём историческом прошлом», а «вслед за слиянием настоящего с прошедшим возрождённая Италия вскоре почувствовала себя впереди всех прочих европейских наций»¹⁴. Ещё древнеримская культура органично включала в себя греческую античность и религию¹⁵. Начиная с XIV в. классическая древность Рима и Греции проникает во все уголки итальянской жизни, становится источником и фундаментом её культуры. Интерес к древним развалинам языческих храмов, включённым в итальянский ландшафт, весьма сходным с греческим, интегрирует этносреду Италии не только во времени, но и в пространстве. Единство наиболее этноинтегрирующих ландшафтно-климатических и в определённой мере мифологических представлений Рима и Греции облегчало также интеграцию в ментальность Италии эпохи Возрождения относительно философских и естественнонаучных представлений греческой античности. В учёных трудах начала XV в. описываются классические раскопки, проявляется интерес к античной литературе, и, как писал В. Дильтей, в изучении древних мыслителей «возрождается могучая воля римлян»¹⁶. Латинский язык, претерпевший в своей основе за период от существования Римской империи до эпохи Возрождения не столь уж существенные изменения¹⁷, являлся мощным носителем культуры, связывавшим в единое целое природно-ландшафтные представления, мифологию и содержание древнегреческой литературы и философии.

В Средние века человек познавал себя только по расовым особенностям или по признакам, различавшим народ, партию, корпорацию, семью — другими словами, понятие личности всегда связывалось с какой-нибудь общественной формой. С началом эпохи Возрождения в Италии зарождается объективизм в отношении к государству, религии, человеческим делам вообще и растёт субъективизм в гуманитарной сфере, где человек осознаёт свою индивидуальность¹⁸. Я. Буркгард отмечает, что как высшая степень индивидуации развивается космополитизм, который в качестве основы мировоззрения может рассматриваться как компонент древнегреческой ментальности после Пелопоннесской войны. Автор приводит слова Данте, который называет своим отечеством весь мир и говорит, что может везде любоваться солнцем и звёздами и размышлять о высоких истинах: «Где поселится учёный человек, там и будет его отечество»¹⁹. Однако космополитизм Данте основывается именно на древнеримской учёности и христианстве «первого Рима», а его космос представляет собой мир итальянского гуманизма. Именно в патриотическом стремлении итальянцев к этноинтегрирующей римской ментальности — древней и эпохи Возрождения — состоял мощный источник развития. Тот же Я. Буркгард в другом месте заключает, что итальянцы отличались с давних времён: а) ясным сознанием

ценности и духовного своеобразия своих городов и местностей; б) местным патриотизмом в Италии, может быть более сильным, чем в каком-нибудь другом средневековом народе; в) памятью о прошлом величии Рима, присущей как представителям знати, так и простым людям, а также любовью к литературе, тесно связанной с представлением о славе²⁰.

Этноинтегрирующим фактором явился и наименее острый характер разделения между образованными и необразованными людьми в самой Италии. Известно, что, например, даже тосканские погонщики ослов распевали канцоны Данте, а произведения величайшего гения Италии Торквато Тассо часто можно было видеть в руках беднейших из её сынов. Обращает на себя внимание и почти полное исчезновение сословных различий; люди ценились по личным достоинствам и талантам, а происхождение имело значение только, например, в таком случае, когда оно было связано с наследственным богатством. В культурной атмосфере эпохи нарастает, а в XV в. становится господствующим убеждение, что человеческое достоинство не зависит от происхождения²¹. При наличии нищеты среди простых людей и пышности и блеска среди представителей правящих сословий всё же ментальность общества была проникнута духом национального единства. В частности, при описании крестьянской жизни в своём произведении «Ненчиа Барберино» Лоренцо Великолепный нашёл «квинтэссенцию настоящих народных песен»²². Однако понимание Лоренцо народного духа не мешало ему проявлять огромный интерес к античной классике и другим областям знания²³.

В Италии как нигде имела место пестрота воскрешённых античных образов, интерес к арабской астрономии, каббалистической астрологии и пр. Наряду с этим, на палитре духовной и культурной жизни возникают такие гиганты христианского духа, как Савонарола (XV в.), несмотря на то что интенсивно происходит обмирщение религии, творческая работа с античным наследием и снимается необходимость теологической и метафизической догматики в обосновании существования человека²⁴. Именно эпоха Возрождения положила начало современным научным исследованиям природы²⁵.

Из двух городов, имеющих «огромную важность для всей истории человечества», — Венеции и Флоренции — именно в последней начиная с XIV в. политическое самосознание и все формы общественной жизни достигают наивысшего развития, а «виды древнего Рима и знакомство с его историческими авторами дали толчок к этому»²⁶.

При дворах флорентийских властителей особо почитались поэты, учёные, художники. Личность флорентийца в XV в. характеризовала широкая «всесторонность». Например, не только государственный человек, но и флорентийский купец очень часто являлись знатоками древних языков (латинского и греческого), были знакомы с «Политикой» и «Этикой» Аристотеля, сочинениями Плиния и Лукиана.

Важно, что нередко интересовались Античностью, собирали статуи древнеримских богов, проявляли интерес к древней литературе представители духовенства. В монастырских текстах в огромном объёме заимствовались материалы из римских авторов. Особенно стоит отметить отношение к римским древностям

со стороны папства. В частности, в начале XVI в. папа Лев X оказывал особое покровительство поэтам, художникам и учёным, посещал древние развалины в сопровождении поэтов и одарённых людей, сам черпал при этом полезные указания для собственных поэм, наряду с изучением античного наследия в библиотеке Ватикана, а «весь Ватикан наполнен был песнями и звуками струнных инструментов»²⁷. При Льве X глава правительства Флоренции Козимо Медичи основал знаменитую Флорентийскую платоновскую академию (вторая половина XV в.) — выдающееся явление в духовной жизни итальянского и европейского Возрождения²⁸. Погружение латинских авторов XII в. в языческие сказания, мифы и историю вызывало в религиозной и отчасти в философской среде сопротивление, «которое, как это ни парадоксально, но и характерно, стремится говорить тем же голосом, какой оно пыталось заглушить»²⁹. Апостол Павел величался Вергилием, Вакха называли Богом, св. Августина — «пифическим пророком богословия», а св. Фому Аквинского — «Аполлоном христианства»³⁰.

Итальянцы активно заимствовали и иностранные технологии. В частности, они первые начинают охотно пользоваться немецкими огнестрельными орудиями и в быту, в торговле, в сельскохозяйственной деятельности и становятся европейскими учителями пушечного и литейного дела и др., значительно опережая прочих европейцев XV в.³¹

Негативным последствием относительно независимого существования в ментальности Италии XV–XVI вв. представлений из различных периодов её истории, политической «равноправности» духовной и светской власти явилось то, что Италия стала для всей Европы, наряду с распространением античной классики, и «школой пороков» — это относилось и к светской власти, и духовенству³².

Специфика «ренессансов» в Северной Европе. Э. Панофский выделял представление о Ренессансе (Италия) и «ренессансах» (Северная Европа). Он отмечал, что в Северной Европе ренессанс воспринимался как нечто привозное и был как бы «откровением»³³. При этом образование и многие другие творческие сферы в Италии вполне сохранили национальную самобытность, а Античность и христианство исторически более длительно и относительно более органично (по крайней мере, до начала Реформации) вплетались в структуру итальянской ментальности, чем в других странах³⁴. Наряду с христианством, связующим звеном всей западной культуры стала античная классика и научные достижения других цивилизаций, распространившиеся из Италии на всех образованных европейцев. В Северной Европе классическая древность пробуждается иначе, чем в Италии. Я. Буркгард отмечает, что вне Италии имело место лишь «рефлексивное» использование элементов античной древности³⁵. Римская культура имела для Италии эпохи Возрождения существенно меньшую величину этнодифференцирующей функции, чем заимствованная Античность для стран Северной Европы. Потому она обратилась к собственной культурной традиции — готике³⁶.

Заключение. Вследствие этноинтегрирующей патриотической направленности ментальности Италии с XIII по XVI вв. нарастала этнофункциональная целостность её этносреды. Это проявлялось во всё большей ассимиляции в её структуру

древнеримских элементов на фоне отсутствия сдерживающих рост национального самосознания политических влияний, в особенности со стороны церкви. Несмотря на периодическое осуждение церковными иерархами расширения влияний язычества, политического подавления их в целом не происходит. Практически во всех слоях итальянского общества (включая духовенство) нарастал интерес к науке, естествознанию, сохранённому арабской, древнееврейской и др. учёностью (астрологии, астрономии, математике и др.).

Для всего остального западного мира античная классика, представленная в итальянской ментальности, имела этнодифференцирующую функцию. Воздействие на страны Северной Европы христианства было, по сравнению с Италией, ещё более этнодифференцирующим (как более поздним). Наиболее этноинтегрирующим для Северной Европы были образы её природы и языческие представления, которые, как будет показано в наших дальнейших исследованиях, в значительной степени сохранились как в ментальности её народов, так и в различных исторических памятниках, включая церковные тексты.

В ментальности Италии эпохи Возрождения было уникально свободно представлено всё ведущее содержание этапов её этнофункционального развития — единство ассимилированных в древности греческих и римских образов ландшафта, климата и мифологических образов, этноинтегрированных патриотической направленностью итальянцев в систему, что обеспечило их ментальности очень высокий энергетический потенциал. Относительно более поздние, но всё же обладающие некоторой величиной этнодифференцирующей функции христианские представления были гармонично интегрированы в итальянскую ментальность благодаря деятельности Флорентийской платоновской академии (Марсилио Фичино). Это ещё повысило адаптационный (энергетический) потенциал итальянской ментальности и сделало в европейском масштабе «космополитичной». На основании принципа этнофункционального единства микро- и макрокосма можно предположить, что ассимиляция в итальянскую ментальность образов родной природы, наряду с этноинтегрирующими мифологическими представлениями, по аналогии с результатами эмпирических исследований развития ментальности личности, является показателем зрелой ментальности, т. е. её высокого энергетического потенциала гармоничного взаимодействия интеллектуальной и эмоционально-чувственной сферы, что, в свою очередь, способствует расширению интеллектуального потенциала общества³⁷. По-видимому, этим может быть объяснена сформированность у итальянцев эпохи Возрождения достаточно редкой в истории человечества способности не только творчески перерабатывать собственное культурное наследие во всей полноте, но и органично использовать научные (этнофункционально нейтральные) достижения иных цивилизаций, в данном случае арабской, иудейской и египетской. В совокупности эта органичная ассимиляция обеспечила мощный вклад Италии в возникновение системы современных научных представлений.

¹ *Ключевский О. В.* Курс русской истории. Соч.: в 9 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 241.

² *Блок М.* Апология истории. М.: Наука, 1986.

³ *Гостев А. А.* Психология вторичного образа. М.: Ин-т психологии РАН, 2008.

-
- ⁴ *Шихирев П. Н.* Эволюция парадигмы в современной социальной психологии: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М.: ИП РАН, 1993. С. 63.
- ⁵ *Сухарев А. В.* 1) Опыт преодоления методологического кризиса: принцип исторической актуальности и этнофункциональная парадигма в психологии // Мир психологии. 2009. № 3 (59). С. 123–132; 2) Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2008.
- ⁶ *Лосев А. Ф.* Античная мифология. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещ. РСФСР, 1957. С. 34–47.
- ⁷ *Сухарев А. В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. Указ. соч.
- ⁸ *Блок М.* Указ. соч.
- ⁹ *Сухарев А. В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. Указ. соч.
- ¹⁰ *Гумилёв Л. Н.* География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990. С. 91.
- ¹¹ Изгнание норманнов из русской истории: сб. ст. / сост. и ред. В. В. Фомин. М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. Вып. 1; Варяго-русский вопрос в историографии // Изгнание норманнов из русской истории: сб. ст. / сост. и ред. В. В. Фомин. М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. Вып. 2.
- ¹² *Пенник Н., Пруденс Д.* История языческой Европы / пер. с англ. СПб.: ООО Издательская группа «Евразия», 2000. С. 246.
- ¹³ *Сухарев А. В.* Этнофункциональный анализ развития ментальности высших слоёв русского общества с конца X по XVII вв. // Проблемы исторического познания / отв. ред., проф. К. В. Хвостова. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 154–192.
- ¹⁴ *Буркгардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения. Смоленск: Русич, 2003. С. 166–169.
- ¹⁵ *Моммзен Т.* История Рима. СПб.: Наука, Ювента, 1994. Т. 1.
- ¹⁶ *Дильтей В.* Возрение на мир и исследование человека со времён Возрождения и Реформации. М.; Иерусалим: Университетская книга, 2000. С. 30.
- ¹⁷ *Панофский Э.* Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 117.
- ¹⁸ *Буркгардт Я.* Указ. соч.; *Делюмо Ж.* Цивилизация Возрождения. Екатеринбург: У-Фактория АСТ, 2008; *Баткин Л. М.* Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989; *Лосев А. Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978; и др.
- ¹⁹ *Буркгардт Я.* Указ. соч. С. 130, 133–134.
- ²⁰ Там же. С. 301.
- ²¹ Там же. С. 136, 166, 308, 313.
- ²² Там же. С. 308.
- ²³ *Баткин Л. М.* Указ. соч. С. 106.
- ²⁴ *Дильтей В.* Указ. соч.
- ²⁵ *Гайденко П. П.* Эволюция понятия науки. М.: Наука, 1980. С. 505.
- ²⁶ *Буркгардт Я.* Указ. соч. С. 80.
- ²⁷ Там же. С. 182, 183.
- ²⁸ *Кудрявцев О. Ф.* Флорентийская Платоновская Академия. М.: Наука, 2008. С. 262.
- ²⁹ *Панофский Э.* Указ. соч. С. 142.
- ³⁰ *Делюмо Ж.* Указ. соч. С. 481.
- ³¹ Там же. С. 85, 99–102.
- ³² *Буркгардт Я.* Указ. соч. С. 156.
- ³³ *Панофский Э.* Указ. соч. С. 348.
- ³⁴ Там же. С. 165.
- ³⁵ *Буркгардт Я.* Указ. соч. С. 166.
- ³⁶ *Панофский Э.* Указ. соч. С. 103–104.
- ³⁷ *Сухарев А. В.* Этнофункциональная парадигма в психологии. Указ. соч.